

**Николай Иванович  
Кибальчич**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
Н63

Н63      Николай Иванович Кибальчич / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 55 с.

**ISBN 978-5-518-02547-9**

"В знание и борьбе - сила и право".

**ISBN 978-5-518-02547-9**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



была противна всякая дипломатія, — отчасти поэтому онъ въ сѣздахъ 1878 года вовсе не участвовалъ и не игралъ въ нихъ никакой роли; но онъ съ величайшей охотой принялъ на себя завѣдыванье лабораторіей Исполнительнаго Комитета и занимался этимъ дѣломъ до самой смерти.

Какъ техникъ—рабочій, Кибальчичъ былъ не особенно ловокъ. Разумѣется, онъ могъ сдѣлать и дѣлалъ все, но въ его работѣ не было той тонкости, артистичности, которой отличались нѣкоторые другіе его товарищи по дѣлу. Зато, какъ теоретикъ, Кибальчичъ, можно сказать, не имѣлъ себѣ соперниковъ. Прекрасно владѣя французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками (что онъ усвоилъ самоучкой), онъ перечиталъ чуть ли не всю литературу по этому вопросу. Голова у него была чрезвычайно изобрѣтательная, а масса свѣденій давала изобрѣтательности обильную пищу. У него всегда готовы были десятки комбинацій минъ, бомбъ, разныхъ взрывчатыхъ веществъ и т. д., которыя онъ могъ приспособить ко всякимъ условіямъ: что дешевле, что легче купить, что годится болѣе для воды, что занимаетъ наименьшій объемъ, что не должно превысить извѣстной сферы разрушенія—всѣ эти вопросы легко разрѣшались имъ (не въ обиду будь сказано правительственнымъ техникамъ, они могли бы многому научиться у Кибальчича,—при своей громадной эрудиціи, онъ болѣе двухъ лѣтъ имѣлъ на рукахъ превосходную лабораторію и такой рядъ опытовъ, какого даже приблизительно не имѣли эксперты, спорившіе съ Кибальчичемъ на судѣ). Онъ превосходно ознакомился со всѣми свойствами нитроглицериновыхъ препаратовъ и достигъ истинной артистичности въ пользованіи ими. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что изобрѣтеніе снарядовъ (ихъ, собственно, нужно считать, не одинъ десятокъ) никогда не принадлежало въ лабораторіи всецѣло одному лицу. Они разрабатывались коллективно, подробности совершенствовались по указаніямъ опыта, по идеѣ разныхъ лицъ. Кибальчичу, большею частью, принадлежала общая идея препарата или снаряда, но разныя частности нерѣдко придумывались другимъ лицомъ. Надо

замѣтить также, что остановившись на нитроглицеринѣ, какъ на почти предѣльномъ (по теоріи) взрывчатомъ веществѣ, Кибальчичъ все-таки имѣлъ нѣсколько излюбленныхъ проектовъ относительно нѣкоторыхъ другихъ веществъ, еще вовсе не изслѣдованныхъ, и названий которыхъ я не могу вспомнить. Онъ все мечталъ при случаѣ испробовать и ихъ.

Работа по лабораторіи поглощала почти все время Кибальчича. Всѣ эти два года онъ провелъ въ разныхъ мѣстахъ, но постоянно занимаясь, — читалъ, дѣлалъ опыты, наконецъ, исполнялъ заказы Исполнительнаго Комитета. Онъ также занимался денежной работой (литературною), и много читалъ по исторіи, социологіи, политической экономіи. Онъ обладалъ очень хорошою памятью и быстрымъ соображеніемъ. Только при такихъ условіяхъ ему и удавалось слѣдить за наукой, при такомъ незначительномъ количествѣ свободнаго времени. Писалъ Кибальчичъ легко и очень хорошо, но мало,—по недостатку времени.

Въ личной жизни это былъ чрезвычайно симпатичный человекъ. Вѣчно занятый высшими философскими или техническими вопросами, онъ былъ на тысячу верстъ отъ всякихъ жизненныхъ мелочей, не интересовался ими и вполнѣ ихъ игнорировалъ. Онъ какъ будто не могъ представить себѣ, чтобы его кто-нибудь могъ обидѣть и эксплуатировать: что ни попроси его—онъ все сдѣлаетъ, никогда не думая, что его, можетъ быть, заставляютъ дѣлать только по собственной лѣнности, или берутъ у него деньги, нуждаясь меньше, чѣмъ онъ самъ. Такія соображенія были ему совершенно чужды. Вѣчное витаніе въ высшихъ сферахъ и страшная разсѣянность въ житейскихъ дѣлахъ часто давали поводъ, особенно барынямъ, къ разнымъ шалостямъ и проказамъ на его счетъ, но Кибальчичъ, большею частью, даже не замѣчалъ этого, а когда, наконецъ, догадывался, что съ нимъ соорили штуку, то относился къ этому самымъ добродушнымъ образомъ и, при общемъ хохотѣ, начиналъ пресерьезно объяснять, что настоящій случай доказываетъ только, насколько легкомысленны женщины, и какими пустяками онъ способенъ интересоваться. Не

знаю, обижался ли онъ когда-нибудь, хоть разъ въ жизни. Впрочемъ, на него и нападать серьезно можно было только по поводу заоблачности. Помню, разъ сошлась у него въ квартирѣ голодная-преголодная компанія. Собрали всѣ свои копейки изъ всѣхъ кармановъ и просили Кибальчича, какъ хозяина, сходить купить что-нибудь. Онъ пошелъ—и принесъ французскій хлѣбъ и нѣсколько фунтовъ какой-то ягоды. А между тѣмъ вѣдь и самъ былъ не вѣвши цѣлый день. „Право я не сообразилъ хорошенько: вѣдь вы навѣрно еще не ѣли ягодъ въ этомъ году. Я увидѣлъ—очень хороши, ну, и купилъ“,—оправдывался онъ. Другой разъ, онъ очень разгнѣвалъ свою хозяйку, истративши всѣ имѣвшіяся деньги (два рубля),—при полной невозможности достать ихъ гдѣ бы то ни было,—на покупку какихъ-то банокъ для своихъ опытовъ. Такихъ приключеній у него было не мало.

Несмотря на массу занятій, Кибальчичъ имѣлъ довольно большія знакомства. Онъ легко сходилъ съ людьми, и, рѣдко выдаясь, умѣлъ, однако, сдѣлаться хорошимъ знакомымъ. Онъ внушалъ къ себѣ довѣріе и симпатію и былъ очень интереснымъ собесѣдникомъ, какъ человекъ умный, начитанный, слѣдящій за всѣми явленіями общественной жизни, политики, науки и даже искусства. Каждый находилъ о чемъ потолковать съ нимъ. За послѣднее время онъ почувствовалъ стремленіе принять болѣе живое участіе въ партійной организаціи, сталъ расширять свои знакомства, задумалъ рядъ публицистическихъ статей, систематически развивающихъ программу партіи, но преждевременный конецъ помѣшалъ осуществленію этихъ плановъ.

Что касается его проекта воздухоплавательной машины, то, если не ошибаюсь, онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Всѣ нынѣ употребляемые двигатели (паръ, электричество и т. д.) недостаточно сильны для того, чтобы направлять воздушные шары. Идея Кибальчича состояла, кажется, въ томъ, чтобы замѣнить существующіе двигатели какимъ-нибудь взрывчатымъ веществомъ, вводимымъ подъ поршень. Сама по себѣ, эта идея, насколько мнѣ извѣстно, не нова; но здѣсь важны под-

робности: какое вещество вводится, при какихъ условіяхъ и т. д. Будетъ, конечно, очень жаль, если инквизиторская ревность правительства заставитъ его сражаться даже съ мертвымъ врагомъ и похоронитъ вмѣстѣ съ нимъ его, можетъ быть, въ высшей степени важное изобрѣтеніе. Но всего вѣроятнѣе, конечно, что оно будетъ просто украдено,—благо протеста съ того свѣта никто не услышитъ.

Знающіе Кибальчича не могутъ удивляться его философски-спокойной кончинѣ. Онъ не былъ ни на іоту боевымъ человѣкомъ, онъ не способенъ былъ поднять руку на себѣ подобное существо, онъ не могъ быть и хладнокровнымъ въ такую минуту, когда приходится сражаться. Но, при его глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ своего дѣла, при его способности сливаться всей душой съ любимой идеей, онъ, конечно, могъ спокойно глядѣть въ глаза смерти, болѣе спокойно, чѣмъ большинство другихъ людей. И наканунѣ смерти, его, какъ извѣстно, тревожила только судьба его проекта воздухоплаванія, какъ Архимеда—судьба его круговъ.

---

## ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. КИБАЛЬЧИЧЪ.

(1877—1880 г.)

Изъ моей памяти никогда, вѣроятно, не изгладятся всѣ мельчайшія подробности первой встрѣчи и знакомства съ Кибальчичемъ. Правда за періодъ нашего революціоннаго движенія такія встрѣчи бывали очень часто, но для меня обстановка ея была тогда въ новинку: я познакомился съ нимъ въ Кіевскомъ тюремномъ замкѣ, куда меня привели 7-го сентября 1877 г.

Очутившись предъ вечеромъ въ камерѣ, гдѣ, кромѣ матраца на полу и „параши“, ничего больше не было, я тотчасъ же услышалъ долетавшій до меня со всѣхъ сторонъ шумный говоръ. Сперва мнѣ трудно было разобрать, доносился ли онъ со двора или изъ корридора; но вскорѣ послышались крики: „Новичекъ! Новичекъ! На окно!“ Я попробовалъ было взобраться на него; но всѣ мои усилія оказались тщетными. „Не могу!.. Высоко!...“ кричалъ я изо всѣхъ силъ, такъ какъ разговаривавшій со мною голосъ все повторялъ: „Не слышу! Громче!“ Наконецъ, онъ догадался, въ чемъ дѣло: „подставьте парашу!“ послышалось со двора. Послѣдовавъ этому совѣту, я очутился на подоконникѣ и увидѣлъ въ окнѣ противоположнаго крыла тюрьмы темныя очертанія человѣческой фигуры. „Кто вы? По какому дѣлу? Откуда васъ привели?“—былъ я засыпанъ вопросами. Отвѣтивъ на нихъ, я также спросилъ, кто онъ, и узналъ, что то былъ Н. Кибальчичъ.

Начавшееся, такимъ образомъ, знакомство на окнѣ, продолжалось мѣсяца два при тѣхъ же обстоятельствахъ. Я въ это время не зналъ ни его фізіономіи, ни даже олоса, такъ какъ, разговаривая черезъ довольно обширный тюремный дворъ и при шумѣ со всѣхъ сторонъ, намъ приходилось выкрикивать фразы чуть не по от-

дѣльнымъ слогамъ, да и то только по вечерамъ, когда уголовные укладывались спать. Правда, Кибальчичъ,—пользовавшійся, въ качествѣ старожила, правомъ гулять по двору,—забѣгалъ иногда (днемъ, конечно) на мой корридоръ и—улучивъ удобную минуту, когда всегда стоявшій у моей камеры часовой зазѣвается,—наскоро вбрасывалъ въ продѣланное въ двери отверстіе записочку отъ моего товарища по одному дѣлу, который сидѣлъ съ нимъ на одномъ корридорѣ,—но и въ этихъ случаяхъ разсмотрѣть его фізіономію, я, конечно, не могъ. Длиныя теоретическія бесѣды при такихъ обстоятельствахъ были почти невысказаны. Въ это время я узналъ только подробности его дѣла, изъ-за котораго онъ сидѣлъ уже около трехъ лѣтъ по разнымъ тюрьмамъ.

Будучи студентомъ Мед. Хир. Академіи, Кибальчичъ весною 1875 года отправился на каникулы въ Черниговскую губернію къ отцу своему, сельскому священнику (Нѣжинскаго уѣзда). Среди медицинскихъ книгъ, у него, какъ у большинства студентовъ тѣхъ лѣтъ, завалялась какая-то запрещенная книжка. Не задаваясь спеціальною цѣлью вести пропаганду, онъ, однако, сталкиваясь съ односельчанами, далъ эту книжку одному изъ нихъ, выразившему желаніе почитать что-нибудь. По окончаніи каникулъ, Кибальчичъ возвратился къ своимъ занятіямъ въ Мед. Хир. Академіи, совсѣмъ забывъ объ участи той книжки. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, кто-то изъ знакомыхъ попросилъ его оставить у себя на ночь запечатанный тюкъ съ книгами. Кибальчичъ согласился. Утромъ, на слѣдующій день ему въ Академіи сообщили, что полиція справлялась о немъ. Предполагая, что дѣло въ лежащемъ у него на квартирѣ тюкѣ, онъ не колеблясь отправился домой, заранѣе обдумывая для полиціи объясненія. Въ дѣйствительности же поводомъ къ обыску у него послужилъ не тюкъ, а данная имъ на родинѣ книжка. Крестьянинъ по прочтеніи, далъ ее другому, тотъ—третьему, и осенью, когда Кибальчичъ былъ уже въ Академіи, она очутилась у властей. Посидѣвъ послѣ обыска мѣсяца два въ III Отдѣленіи, побывавъ въ разныхъ пересыльныхъ тюрьмахъ,

Кибальчичъ, для разслѣдованія всѣхъ подробностей „преступной пропаганды“, былъ привезенъ въ черниговскую тюрьму, откуда, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, препровожденъ въ Кіевскій тюремный замокъ, гдѣ, въ ожиданіи суда надъ собою изъ-за несчастной книжки, сидѣлъ уже около двухъ лѣтъ, когда я съ нимъ познакомился.

До дня ареста, почти исключительно занимаясь науками и мало—или вѣрнѣе—вовсе не участвуя въ социалистическихъ кружкахъ, Кибальчичъ совсѣмъ не подозрѣвалъ, сколь великое преступленіе кроется въ совершенномъ имъ на родинѣ поступкѣ. „Я все время думалъ, выкрикивалъ онъ мнѣ съ окна,—что дѣло мое окончится скоро и пустяками; но слѣдователь недавно заявилъ мнѣ, что за мои злодѣйскія дѣянія мнѣ грозитъ отъ 4—10 лѣтъ каторги“. Къ этой перспективѣ онъ, однако, относился крайне легко, равнодушно какъ-то и интересовался, главнымъ образомъ, тѣмъ, есть ли въ централкахъ возможность заниматься чтеніемъ.

Мѣсяца черезъ два я былъ переведенъ на одинъ корридоръ съ Кибальчичемъ. Здѣсь намъ представлялась уже полная возможность вести длинныя бесѣды и хорошо познакомиться другъ съ другомъ. Стоя у дверей и приставивъ губы къ отверстиямъ, продѣланнымъ въ нихъ для наблюденія за заключенными, мы могли теперь разговаривать обыкновеннымъ голосомъ, какъ днемъ, такъ и ночью. Здѣсь также легко удавалось видѣть фізіономіи другъ друга.

Помню, разслышавъ въ первый разъ, что ключникъ отворяетъ его камеру, я подбѣжалъ къ дверямъ и приставилъ глазъ къ отверстию; но онъ, проходя мимо, сдѣлалъ то же, почему мы оба, конечно, ничего не видѣли. „Сперва вы покажите себя“,—сказалъ онъ, не отходя отъ дверей. „Нѣтъ вы сперва“,—говорилъ я. Наконецъ, мы дали другъ другу возможность разсмотрѣть себя, отступая по очереди на нѣсколько шаговъ.

Кибальчичу тогда было двадцать три—четыре года; средняго роста, съ небольшой темнорусой бородкой, блѣднымъ и очень умнымъ лицомъ, онъ скоро и легко возбуждалъ къ себѣ симпатію. Какъ это всегда бываетъ

въ тюрьмахъ, сближеніе наше шло быстро. Мы часто бесѣдовали, рассказывали другъ другу о своемъ прошломъ, вели теоретическіе споры.

Нужно замѣтить, что я, какъ и большинство южанъ тогда, принадлежалъ къ такъ называемымъ „бунтарямъ“. Кибальчичъ же, попавшій въ тюрьму почти безъ опредѣленно сложившихся убѣжденій, тамъ лишь сдѣлался „лавристомъ“.

Кибальчичъ, какъ казалось мнѣ въ тюрьмѣ, по темпераменту скорѣе всего былъ флегматикъ. Это бросалось въ глаза при первомъ взглядѣ на него, при первыхъ произносимыхъ имъ словахъ. Онъ говорилъ до того медленно, растягивая чуть ли не каждый слогъ, что на мало знакомаго производилъ не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе; въ фізіономіи его также почти никогда—за исключеніемъ очень экстренныхъ случаевъ—незамѣтно было никакого оживленія, никакой игры. Не удивительно поэтому, что многіе принимали его за человѣка апатичнаго, сонливаго; а нѣкоторыхъ, особенно радикалокъ, не на шутку даже раздражала его манера говорить. Но рядомъ съ этимъ, также бросались въ глаза его простота, мягкость и добродушіе. За все время знакомства съ нимъ, я не помню его въ дурномъ настроеніи, не потому, конечно, чтобы оно не бывало у него, а потому скорѣе, что онъ ничѣмъ внѣшнимъ не выражалъ его. Также, впрочемъ, трудно было разобрать, когда онъ былъ веселъ, доволенъ чѣмъ-нибудь. Когда, во время нашего пребыванія въ тюрьмѣ, случались важныя событія, вызывавшія во всѣхъ заключенныхъ безграничную радость, Кибальчича нужно было спросить, доволенъ ли и онъ, чтобы убѣдиться, какое на него впечатлѣніе произвелъ данный отрадный фактъ. Такъ, когда получилось извѣстіе объ оправданіи Вѣры Засуличъ, мы заключенные прыгали по камерамъ, выскакивая въ корридоръ, обнимались другъ съ другомъ, Кибальчичъ же и въ этотъ даже разъ оставался, какъ всегда, ровнымъ, спокойнымъ, съ обыкновенной своей улыбкой на лицѣ.

— Ну, а вы же, Николай, чего не радуетесь? приставали мы къ нему.

— Какъ не радуюсь! я очень радъ! Это хорошо,— очень хорошо! по обыкновенію медленно растягиваль онъ.

Помню, впрочемъ, случай, когда онъ самъ выразилъ свою радость. Какъ-то разъ вечеромъ, стоя у дверей, я рассказывалъ ему и другимъ, что нѣкоторые „бунтари“ (южные и сѣверные) еще съ 74 года, узнавъ о свойствахъ нитроглицерина, начали строить планы, какъ разомъ совершить рядъ крупныхъ террористическихъ актовъ чтобы, такимъ образомъ, какъ тогда думалось, дать сигналъ ко всеобщей революціи въ Россіи. Услыхавъ объ этомъ, Николай совсѣмъ пришелъ въ восторженное состояніе:

— Вотъ-бы хорошо! Вотъ-бы прелестно! восклицалъ онъ.—Вѣдь, знаете, такое дѣло вполнѣ выполнимо. Почему же не займутся имъ серьезно?—спрашивалъ онъ съ замѣтной радостью и—на этотъ разъ—произнося слова нѣсколько быстрѣе, чѣмъ обыкновенно.

Я сообщилъ ему, что ничего не выйдетъ изъ этого дѣла, такъ какъ за него взялись ненастойчивые, неумѣлые люди, которые вотъ уже три года носятъ со своими планами, а они ни на шагъ не подвинулись впередъ.

— Вотъ не пойдѣ я на каторгу, я непременно занялся бы изученіемъ свойствъ нитроглицерина,—произнесъ онъ съ нѣкоторою грустью въ голосъ.

Его отношеніе къ этому плану меня тогда, признаться, очень удивило,—я не предполагалъ, чтобы онъ сочувствовалъ такимъ революціоннымъ фактамъ и, вообще, „преждевременнымъ“ революціямъ. Я думалъ, что онъ признаетъ полезность революцій лишь въ „отдаленномъ будущемъ“, когда, по выраженію лавристовъ, „большинство русскаго народа будетъ поднято до социалистическаго уровня“, или „черезъ тысячелѣтіе“,—какъ мы тогда смѣялись надъ ними. Но я, оказалось, ошибся относительно Кибальчича. По натурѣ онъ, дѣйствительно, не былъ ярымъ революціонеромъ,—онъ не рвался бы на отчаянныя, удалыя предпріятія, не находилъ-бы, быть можетъ, удовольствія въ самой опасности, въ боевомъ огнѣ, какъ это у нѣкоторыхъ бываетъ,—но онъ несо-

мнѣнно былъ революціонеръ по мысли, по убѣжденіямъ и къ тому же—безусловно смѣлый человѣкъ, равнодушный къ опасности, не останавливающійся передъ нею или, вѣрнѣе—вовсе о ней не думающій. Мирная, спокойная дѣятельность изо дня въ день, конечно, болѣе соотвѣтствовала его темпераменту, чѣмъ бурная, кипучая; но, сознавая все значеніе революціонныхъ фактовъ, глубоко вѣря въ ихъ результатность, онъ, поэтому, сочувствовалъ имъ, а впослѣдствіи и помогалъ ихъ совершенію.

Совсѣмъ непрактичный въ отношеніи дѣлъ и людей, онъ подчасъ казался даже оптимистомъ. Правда, онъ не строилъ очень радужныхъ, совсѣмъ не выполнимыхъ плановъ, но все же онъ склоненъ былъ во многомъ видѣть лучшее, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Такъ, несмотря на довольно слабое сложеніе, онъ рассчитывалъ, что, безъ ущерба для своего здоровья, вынесетъ предстоящій ему срокъ каторги, а, по его окончаніи, если будетъ отправленъ на поселеніе въ Сибирь, предполагалъ заняться фельдшерствомъ,—онъ былъ студентомъ медикомъ III курса. Поэтому, сидя въ кievской тюрьмѣ, онъ все время продолжалъ теоретическое изученіе медицины и хлопоталъ у властей о разрѣшеніи ему—для практики—посѣщать тюремную больницу. Но разрѣшенія онъ никакъ не могъ добиться: начальство, несмотря на всѣ его разувѣренія, опасалось, что онъ будетъ заниматься пропагандой между больными (уголовными) арестантами.

Но особенно оптимистомъ онъ былъ въ отношеніяхъ къ людямъ. О всѣхъ, съ кѣмъ онъ близко сталкивался, онъ былъ хорошаго мнѣнія, хотя и не превозносилъ никого до небесъ, не приходилъ ни отъ кого въ особенный восторгъ. Онъ со всѣми въ тюрьмѣ—какъ впослѣдствіи на волѣ—былъ одинаково хорошъ, ровень, со всѣми жилъ въ мирѣ (насъ было въ тюрьмѣ человѣкъ около 20-ти). Я рѣшительно не знаю случая, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь серьезно поспорилъ, поругался, и думаю, во всю его жизнь съ нимъ не было такого случая. Всегда спокойный, уступчивый, онъ даже тюремнымъ властямъ спускалъ тамъ, гдѣ другой поднялъ-бы